

Дополненія.

Привожу въ концѣ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія, сообщенные мнѣ айнами относительно культа медвѣдя.

1. Если умиралъ какой-либо очень богатый человѣкъ, то устраивали медвѣжій праздникъ и убивали медвѣдя до похоронъ умершаго, хотя бы даже это происходило лѣтомъ или зимою.

2. Во время медвѣжьяго праздника, за три дня до убіенія медвѣдя, такъ же какъ и при похоронахъ умершихъ, нельзя ничего варить съ прибавленіемъ жири (нерпичьяго и т. п.). Въ противномъ случаѣ у медвѣдя не будетъ жири, и его сало будетъ жидкимъ, какъ вода. Хозяинъ же былъ бы пристыженъ передъ собравшимися гостями... (с. Руре-Кантаро).

3. Въ прощальной рѣчи приводятся собственныя имена рѣчекъ и горъ, въ которыхъ по преимуществу ловили малыхъ медвѣжатъ. Каждое село имѣть особыя, свои собственныя мѣста охоты, и произносящій рѣчь долженъ знать эти названія, хотя бы происходилъ изъ другой мѣстности. Въ рѣчи, записанной на стр. 119—121, диктовавшій пропустилъ собственныя имена.

4. На посудѣ, изъ которой кормятъ медвѣдя — іѣо оїбе, нельзя ничего вырѣзывать.

5. Продавать самому пойманаго медвѣженка въ обмѣнъ на шкуры соболя, лисицы и т. п. грѣшно. Продавшій не увидитъ болѣе медвѣдя ни малаго ни большого. Надо пойманаго медвѣженка отдать какому-либо старику-родственнику. Въ обмѣнъ же охотникъ получаетъ ремни и собаку, лучше всего суку, которая можетъ принести много потомства. Если же у получившаго медвѣженка суки нѣтъ, то долженъ дать старую собаку. Послѣднюю нужно послать возможно скорѣе къ горному богу. Айнъ с. Найеро Мусинохте два года пользовался такою собакою; поэтому медвѣдь былъ недоволенъ (раму пасе, дословно — душою тяжелъ), и Мусинохте не удалось убить медвѣдя, хотя очень старательно ходилъ по его слѣдамъ (с. Найеро. Стариkъ Нукумбо).

6. Сирекуа изъ с. Ай послалъ въ с. Сіянцы для медвѣдя Уссайро пучокъ (2-3 пуда) сущеной рыбы. Близкими родственниками они не считаются. Миѣ объяснили, что „іѣо інуунукарѣ оja котан орова іѣо ере“, т.-е. „жалѣя медвѣдя, его кормить чужое селеніе“. Этотъ пучокъ былъ положенъ въ амбаръ въ особое мѣсто, чтобы не смѣшиваться съ

прочею провизію, и быть употребленъ лишь на кормлениe медвѣдя. Можетъ-быть, Сирекуа хотѣль задобрить медвѣдя и его горнаго хозяина, чтобы пріобрѣсти малаго медвѣженка и помѣстить въ свое мѣсто селеніи. Хотя онъ считался виднымъ богачомъ, но въ его сель давно не было медвѣжьяго праздника.

7. Когда медвѣдь болѣетъ, то ставятъ около клѣтки інау, наз. ісъ сенюте, т.-е. „для исцѣленія медвѣдя інау“. Въ Мауко въ 1902 г. я видѣлъ сзади клѣтки два такихъ одинаковыхъ „інау“ изъ березы и около каждого двѣ елочки. Высота этихъ „інау“—2 ар. 4 вер. надъ поверхностью земли.

Такое же приблизительно „інау“ я видѣлъ и въ другихъ селеніяхъ обыкновенно сзади клѣтки.

8. (Разсказъ молодого айна Никахко). Когда заболѣлъ медвѣженокъ въ Серароко (1904 г.) и пересталъ неожиданно Ѳѣсть, раньше не болѣвъ вовсе, то айны зашли въ срубъ и обвязали медвѣдю туловище, шею и ноги около лапъ скрученными ціоное інау, а на шею повѣсили іпока (изображеніе медвѣжье) съ однимъ старымъ и однимъ свѣже изготовленнымъ інау-ру. Сдѣлалъ стариkъ новое ундзі інау (інау огню) и помолился передъ нимъ. Сдѣлалъ также четыре ціококе рамесу інау. Заткнули въ углы въ видѣ лентъ. Сошлись всѣ и смотрѣли. Когда еще былъ живъ, но близокъ къ смерти, то четыре молодыхъ айна понесли на дворъ, повернули въ лѣвую (по-айнски) сторону и сзади дома на сѣнѣ уложили такъ, чтобы голова смотрѣла на море къ восходу солнца. Въ домѣ еще пытались насильно поить водой, настойкой черемши и корня крапивы. На дворѣ поставили сзади лежачаго медвѣженка нуса¹⁾ изъ березы и два інау кема (т.-е. ноги інау) изъ молодыхъ елокъ. Стариkъ сѣлъ передъ нуса и помолился. Когда медвѣженокъ померъ, то одинъ изъ караулившихъ по-очереди айновъ рассказалъ объ этомъ всѣмъ, и женщины и мужчины пошли оплакивать, спля на снѣгу передъ медвѣдемъ²⁾. Когда кончили плакать, то отнесли медвѣженка шаговъ на 50-60 еще дальше за домъ и также положили головой къ морю на сунку һу фте, т.-е. на еловыя вѣтки. Поставили сзади нуса изъ елки. Пошли за специальнымъ медвѣжимъ ножомъ ісъ макірі и стали снимать кожу. Оставили на груди и брюхѣ двѣ неразрѣзанныя „пуговицы“ и стали рвать пальцемъ и кричать: о! о!—подражая медвѣдю. (И въ данномъ случаѣ, какъ и во время медвѣжьяго праздника, кому удастся разорвать оставшіяся неразрѣзанными полоски кожи, тому повезеть въ будущемъ въ охотѣ на медвѣдя).—Когда расчленили медвѣдя на части и такъ же раздѣлили, какъ

¹⁾ Грушу інау.

²⁾ „Пеуре фурехне һемакате қотан айну упіс кара“, т.-е. „когда воспитываемый медвѣженокъ умираетъ, люди селенія плачъ дѣлаютъ“.

и во время убийства, то мясо понесли домой через двери, а шкуру с головой — через окно. Шкуру уложили какъ полагается; на нее положили одну саблю, а рядомъ поставили ъду тоj-үё (см. стр. 73), и рибъ вареный, и сарану, и „сакэ“. Повѣсили и „косондо“, но ноши съ лямкою не дѣлали, а также и не плясали. Созвавъ гостей изъ Отасана и Мануа, усаживали ихъ попарно, поили „сакэ“ и ъли мясо, оставивъ часть его для угощенія другихъ почетныхъ гостей, которые не могли прїѣхать вмѣстѣ съ прочими. Голову и кости вынесли къ обычному мѣсту. Убили при этомъ и собаку.

9. Послѣ убіенія въ лѣсу медвѣдя, убившій дѣлаетъ небольшое деревянное изображеніе медвѣдя, а къ прежнимъ изображеніямъ добавляетъ по свѣжему скрученному изъ стружекъ шнурку інау-ру. Со временемъ эти изображенія цѣлкомъ покроются такими обивающими шнурками. Лежать эти изображенія въ ящикѣ съ медвѣжьими принадлежностями. Вынимаются лишь въ праздники, связанные съ культомъ медвѣдя (с. Ай).

10. Інантус — кожа, снятая съ головы медвѣдя, въ видѣ небольшого кружка. Въ с. Хунупъ (1904 г.) я видѣлъ пучокъ этихъ кожъ подвѣшеннымъ у інау (сзади дома), съ насаженнымъ на него черепомъ собаки. Вынули изъ ящиковъ, стоявшихъ въ домѣ, и вынесли на дворъ, ибо боялись, что съѣдятъ крысы. На югъ айны вырѣзываютъ кругомъ губъ узкую полоску и кладутъ также въ ящикѣ съ медвѣжьими принадлежностями.

11. Въ с. Мауко, послѣ того какъ кончили водить медвѣдя на прогулку, чтобы сдѣлать ему пріятность и вмѣстѣ съ тѣмъ починить въ клѣткѣ подгнившій полъ, всѣ участники собрались въ домѣ хозяина медвѣдя и получили угощеніе: были поданы рыба, вареные листья и стебли какого-то растенія. Мужчинъ въ селѣ было тогда немного, и водить медвѣдя помогали имъ и женщины, принявши участие въ трапезѣ... „Сакэ“ однако, не было; не произносили также никакихъ молитвъ...

12. Лакированныя чашки, на днѣ которыхъ нарисованъ медвѣдь, айны называютъ тоиц-ісо. Объясненія я не получилъ, но, можетъ-быть, это происходитъ отъ тоиці ісо, т.-е. медвѣдь народа тоиці,— следовательно, тѣхъ первыхъ миѳическихъ жителей Сахалина, которые потомъ исчезли.

13. Ісо сіке, ноша медвѣдя. Все съѣдобное погаивается мужчинами, но ни въ коемъ случаѣ не женщинами. Если ъздятъ далеко отъ села ловить нерпу, какъ, напр., айны с. Тараики, Найеро, то берутъ съ собою на эту охоту „ношу“. Когда провизія, тамъ уложенная, съѣдена, то лямку вѣшаютъ гдѣ-либо на установленномъ, каждый разъ въ особомъ мѣстѣ, інау. (с. Найеро).

14. Когда шкура медвѣдя, распяленная на рамахъ (шылкахъ), высохнетъ и станетъ уже годна къ употребленію, то пялки устанавливаютъ у інау, что сзади дома. Маленькое інау (епусіс), которымъ были заткнуты ушины отверстія медвѣдя, кладутъ на землѣ у того же інау. Потомъ ставятъ новое інау сзади дома, и тогда только можно продавать шкуру. Інау посылаютъ богу горѣ Метохкамуї. Текушка въ с. Отасанѣ послѣ праздника и высушки кожи не поставилъ новое інау, но зато на старое повѣсила нѣсколько дней інантус, т.-е. кожу, снятую съ головы.

15. Въ с. Отасанѣ у айна Гайбатэ я видѣлъ кожу, повѣшенную у інау сзади дома; на немъ же висѣлъ и ящикъ съ медвѣжими принадлежностями.

16. Человѣка мужественного и убивавшаго въ жизни много медвѣдей этотъ звѣрь долженъ хоть разъ укусить, хотя бы и не очень сильно. Въ примѣръ приводили мнѣ айна Самбакус (съ западнаго берега). Онъ, уже будучи старикомъ, хотѣлъ показать другимъ, какъ надо насаживать медвѣдя на копье, и медвѣдь перекусилъ ему руку, но рана зажила. Самбакус и его родня имѣютъ покровителемъ лѣсную женщину (кімун махнеку), и потому такъ смѣль и удачливъ былъ онъ въ охотѣ, а его сынъ перенялъ эти качества.

17. Айны съ юга восточнаго берега употребляютъ жиръ медвѣдя, какъ убитаго въ лѣсу, такъ и вырощенаго дома. Лѣчить имъ экземы, частыя у ребяти. Айны съ сѣвера пользуются, какъ лѣкарствомъ, только жиромъ лѣсного медвѣдя и ёдятъ его жиръ съ рыбой (с. Найеро).

18. Нѣкоторые южные айны несутъ въ лѣсъ голову медвѣдя отдаленно отъ того шеста, на который потомъ насадятъ черепъ. Сѣверяне же всегда несутъ черепъ изъ дома уже надѣтымъ на этотъ вилообразный шесть (кејохні). Если медвѣдь былъ самецъ, то шесть втыкаютъ въ лѣвую глазницу, если самка — въ правую. Правая сторона считается болѣе важною, и самкѣ полагается большій почетъ. Правая рука считается старшею рукой, лѣвая — младшей (с. Найеро).

19. Южане не ёдятъ мозга медвѣдя; сѣверяне ёдятъ его сырымъ; теперь посыпаютъ солью и мѣшаютъ съ „сакѣ“ въ ціпуука ітангі, т.-е. въ запрещенныхъ чашкахъ. Онъ служить только на медвѣжьемъ празднике и кладутся около головы медвѣдя въ юртѣ. Изъ нихъ-то пьютъ всѣ „сакѣ“, которое считается пакес, т.-е. недопитый и подаренный медвѣдемъ остатокъ. Въ черепъ медвѣдя накладываютъ кореньевъ и растительныхъ яствъ. Въ носъ втыкаютъ малое інау, называемое енкоруспе (с. Найеро).

* 20. Айны съ о. Хоккайдо — по крайней мѣрѣ, въ с. Пиратори по р. Сару — пробуютъ мозгъ медвѣдя ножомъ. Если прилипнетъ къ ножу,

то не ъдять, ибо это было бы опасно; въ противномъ случаѣ, ъдять сырымъ или жаренымъ на вертель (никогда не варятъ). Части мяса съ головы самца ъдять лѣвою рукою, а самки—правою. Изъ женщинъ могутъ єсть запрещенное мясо только тѣ, которые состоять въ родствѣ съ человѣкомъ, убившимъ медвѣдя (если онъ убитъ на охотѣ) (с. Пиратори).

21. Сердце медвѣдя айны с. Пиратори не даютъ никому изъ постороннихъ. Оно съѣдается тѣмъ, кто убилъ медвѣдя, и его ближайшей семьеи, не исключая лицъ женского пола.

22. Айны на Хоккайдо тоже имѣли много запретовъ во время медвѣжьихъ праздниковъ. Но сейчасъ обычай мѣняется, и съ каждымъ годомъ количество запретовъ и правилъ уменьшается. Еще болѣе нарушеній дѣлаютъ тайно, скрывая отъ огласки. Любить, напр., теперь разрубать длинныя кости и варить ихъ; прячутъ эти кости и, въ отсутствіе гостей, варятъ супъ (с. Пиратори).

23. Айнъ, который молился при отдѣленной головѣ медвѣдя, въ эту ночь не можетъ спать рядомъ со своей женой; онъ удаляется въ уголъ ближе къ задней стѣнѣ и тамъ спитъ одинъ (с. Пиратори).

24. Ранѣе айны воспитывали у себя въ клѣткахъ мојук, виверровую или енотовую собаку, *Nystereutes procyonoides*. Клѣтка его устраивалась на столбахъ, ибо иначе собаки сильно надѣдали животному, котораго онъ не боится. Охота производилась при помощи собакъ. Убитому мојук ставили „інау“, дѣлали угощеніе. Народу собиралось много; мясо животнаго—вкусное и сытное. Голову клади на подносъ на циновкѣ. Кормили мојук просомъ; кормленный рисомъ мојук убѣгалъ изъ клѣтки. Праздникъ убиенія его протекалъ такъ же торжественно, какъ и праздникъ медвѣдя. Кожу его цѣнили отъ 2 до 5 іеновъ (с. Пиратори).

25. Медвѣдя и въ Пиратори и въ Момбеть убиваютъ стрѣлою, а душать уже умирающее животное. Стрѣла бываетъ съ ядомъ, и мясо вокругъ раны потомъ вырѣзываютъ. Если неудачно стрѣляли тѣ, кому было это поручено, то хозяинъ, послѣ 2—3 выстрѣловъ, береть лукъ и самъ убиваетъ медвѣдя. Если медвѣдь не допускаетъ привязать себя къ столбу, у котораго его готовятся убить, то его вѣдять иногда всю ночь и, наконецъ, подъ утро вводятъ обратно въ клѣтку, и тамъ самъ хозяинъ стрѣляетъ въ него изъ лука. Затѣмъ его душать—иногда уже мертваго, иногда находящагося еще въ агоніи.

26. Въ Пиратори, когда гостей сажаютъ по-очереди по приказанию хозяина или хоэйки, то исполнитель ихъ приказаний береть гостя своей правой рукой за его лѣвую и ведеть къ назначенному для него мѣсту.

27. Въ Пиратори половые органы медвѣдя, такъ же какъ и матку самки, заворачиваютъ въ стружки и вѣшаютъ на стоянче йназу. Долженъ сознаться, что на Сахалинѣ я не видѣлъ этого важнаго обстоятельства. Кромѣ того, матку самки аллы сушатъ ипотребляютъ, какъ лѣкарство, при родахъ...

28. Бываютъ будто бы медвѣди, которые подзываютъ къ себѣ оленей, издавая крикъ, похожій на крикъ самца-оленя — бѣ-бѣ. Послѣ крика онъ приступаетъ, пѣть ли какого-либо отвѣта. И если услышать голосъ или шорохъ, то быстро мчится въ ту сторону и бросается на жертву. Медвѣдь, разъ попробовавши человѣческаго мяса, уже нападаетъ на всякаго человѣка. Такого опаснаго медвѣдя называютъ хотуе веј ѡук — „подзывающій злой звѣрь“. Спереди онъ — краснаго цвѣта, сзади — темнаго (с. Пиратори на о. Хоккайдо).

29. На Хоккайдо аллы раздѣлаютъ зъ вида медвѣдей: куне каму — „темный звѣрь“ — доброго права; фуре — „краснаго (пропахожденія) лѣди“, нрава; ретара — „свѣтлый“ — добрый. Есть еще медвѣдь очень малыхъ размѣровъ — какъ собака, но очень опасный: часто задираетъ и японцевъ и алновъ. Теперь попадается все рѣже. Опытные охотники убивали и этого медвѣдя. Мѣстами на немъ не было шерсти; цвѣта онъ всегда — темнаго. Берлогу устраиваетъ въ земль. Злымъ и опаснымъ считаютъ также медвѣдя, имѣющаго длинный хвостъ и пазырь арасарус (с. Пиратори).

30. Нуупурі коро камуї, т.-е. „горами владѣющій богъ“, и ісо камуї, „медвѣдь“ — сіна утара, т.-е. „одного (пропахожденія) лѣди“, только горный богъ — очень важный богъ.. Медвѣдь и лисица родства не имѣютъ, но мојук (см. выше № 24) и медвѣдь — одного пропахожденія. А ворона приходится медвѣдю дядей (паскуру ісо камуї кор аїца) (с. Пиратори).

31. Хоккайдоскій медвѣдь питается будто бы травами, раками, жабами и рыбами (с. Пиратори).

32. Во время медвѣжьяго праздника запрещается кому бы то ни было, даже неучаствующимъ въ празднествѣ, охотиться съ ружьемъ и ставить самострѣль на какого-либо звѣря. (Сравни преданія въ моей книгѣ „Materials for the study of the ainu language and folklore. Cracow, 1912“).

33. На празднике въ с. Сераро-ко, при выведении медвѣдя изъ клѣтки, появился поселенецъ съ ружьемъ, присматривавшійся къ ингересной сцѣнѣ. Аллы просили ружье спрятать, ибо считали грѣхомъ показывать его медвѣди, который вплоть до своей смерти долженъ быть видѣть одно приятное. Ружье, очевидно, могло напомнить ему о смертоносномъ оружіи, отъ котораго пали многие его собратя. Такъ какъ поселенецъ не соглашался исполнить просьбу, то аллы обрати-

лись ко мнѣ за содѣйствіемъ. Мои убѣжденія и настойчивыя требованія заставили уважить обычай туземцевъ.

34. Въ 1903 г. въ Такое, во время медвѣжьяго праздника, аины въ особенности старались соблюсти безъ измѣненія весь ритуалъ празднества, ибо какъ разъ передъ тѣмъ заболѣлъ вліятельный старшина, и это объясняли тѣмъ, что болѣзнь причинена недовольствомъ медвѣдя. Между прочимъ, просили также меня убѣдить собравшихся въ большомъ количествѣ поселенцевъ не занимать мѣсть запрещенныхъ. Я долженъ былъ убѣждать, чтобы всѣ, прежде чѣмъ двинулась процесія къ лобному мѣсту, украшенному інау, цыпковами и драгоцѣнностями, отошли оттуда и позволили медвѣду, проходя мимо, глядѣть на убранство и на разодѣтыхъ въ шелка дѣтишекъ, должностивавшихъ стоять въ первомъ ряду вдоль ведущей туда дороги.

35. Болѣзнь, насланная медвѣдемъ на человѣка, называется цікосара. Поводы недовольства медвѣдя бываютъ различны. Такъ: 1) въ вышеуказанномъ случаѣ медвѣдь будто бы былъ недоволенъ тѣмъ, что молодые люди съ Такое перестали охотиться на медвѣдя, тогда какъ ихъ отцы были искусными охотниками, убивавшими медвѣдей въ большомъ количествѣ. Тотъ, кто убилъ хоть одного медвѣдя, никогда не бываетъ боленъ цікосара. Старшина Багунка былъ наказанъ за покидающую обычай предковъ молодежь. Старшина видѣлъ сонъ и объяснилъ всѣмъ причину своей болѣзни. 2) Нарушение какихъ-либо правилъ, установленныхъ по отношенію къ медвѣдю. Въ Николаевскѣ въ 1905 г. я встрѣтилъ айна Кахко (Ивана Григорьевича), крещенаго и сильно обрусьвшаго. Онъ жаловался мнѣ, что вотъ уже 4 мѣсяца постоянно хочетъ спать, чувствуетъ усталость, хотя и не можетъ назвать себя больнымъ или указать, что у него болитъ тотъ или иной органъ тѣла. Это — медвѣжья болѣзнь, говорилъ онъ мнѣ. Медвѣдь-де былъ на него сердить за то, что онъ однажды, желая уважить своего крестнаго (офицера), продалъ ему шкуру медвѣдя цѣликомъ съ неотрѣзанными головой и когтями. 3) Плохой, мало старательный уходъ за медвѣдемъ во время его кормежки въ клѣткѣ. Въ одной оїна (легендарной пѣснѣ) говорится, что медвѣдь, уходя, оставилъ людямъ болѣзнь, такъ какъ его плохо кормили и часто на него сердились. Цікосара не болѣютъ дѣти и женщины. Отъ этой болѣзни никто не помираетъ. Вылечить ее можно постановкою інау, задушеніемъ собаки, послыаемой къ медвѣдю въ качествѣ посредника. На убитую собаку укладываютъ, на время варки и ъды ея мяса, саблю и наушники. И то и другое доставляетъ медвѣдю удовольствіе, и онъ умилостивляется. Я думалъ вначалѣ, что сабля — это угроза медвѣдю, но мнѣ объяснили, что медвѣдю стараются не угрожать, а задобрить его, и притомъ сабля для него не страшна, ибо никогда еще отъ сабли медвѣдь не умеръ.

36. Въ одномъ аинскомъ преданіи говорится, что пребываніе медвѣдя въ клѣткѣ вилоть до его убіенія—это житье въ гостяхъ у человѣка, аинкоутаса.

37. На праздникѣ въ Серароко въ 1902 г., во время пиршества сейчасъ послѣ убіенія медвѣдя, когда дѣти бросали ложки, хозяинъ Мойма, ъездившій неразъ въ Японію—въ Хакодате, сталъ бросать вверхъ японскіе пряники. Дѣти и молодежь съ крикомъ бросались въ сторону падавшаго пряника, стараясь поймать его. Это веселье продолжалось долго, ибо Мойма бросалъ пряники по одному, а принесъ ихъ большую пачку. Мнѣ объяснили, что это—обычай японскій, который перенимается айлами, находящимися подъ вліяніемъ своихъ культурныхъ сосѣдей.

38. Относительно медвѣжьяго праздника на западномъ берегу я получилъ отъ одного айна с. Мауки указанія на слѣдующія детали, которые разнятся отъ такихъ же на восточномъ берегу. Убивать медвѣдя приглашается какой-либо стариkъ; можетъ быть имъ и родственникъ, но не живущій въ домѣ, который выкормилъ медвѣдя. Такоff стариkъ является на праздникѣ въ сопровожденіи родственника, молодого человѣка. На этого послѣдняго надѣваютъ шелковое платье (косондо) и даютъ нести ту стрѣлу, отъ которой медвѣдю предстоить быть убиту. Во время спусканія стрѣлы хозяинъ медвѣдя стоить рядомъ со стрѣляющимъ; подростокъ стоитъ сзади.

39. Если медвѣженокъ пойманъ кѣмъ-либо въ первый разъ, то такого медвѣженка нельзя держать двухъ зимъ, а кормить лишь одну зиму. Такъ должны были сдѣлать айны въ 1904 г. въ с. Найеро. Въ виду войны и угнетеннаго состоянія, праздникъ былъ отложенъ. Если медвѣженокъ купленъ или пойманъ кѣмъ-либо, дѣлающимъ это не впервые, то такого кормить двѣ зимы.

Если кто въ первый разъ убьетъ медвѣдя въ лѣсу, то долженъ отдать его какому-либо старику, самому же пользоваться мясомъ и шкурой и приглашать къ себѣ гостей не слѣдуетъ, иначе не удастся болѣе убить медвѣдя. Стариkъ взамѣнъ даетъ очень хорошую стрѣлу. Если убить этою стрѣлою медвѣдя, то больше ею пользоваться уже нельзя: надо ее положить отдохнуть и составить о ней преданіе. Слѣдующаго медвѣдя можно отдать (какъ и медвѣженка) за собаку, которую слѣдуетъ послать медвѣдю возможно скорѣе, т.-е. задушить въ жертву ему (с. Найеро).

40. Привожу здѣсь списокъ селеній Сахалина, въ которыхъ проходили медвѣжьи праздники во время моего пребыванія среди аиновъ. Въ 1902 г.: с. Томароро, Комосіроро, Отасу, Тарайка, Серароко (2 хозяина—3 медвѣдя), Отасанъ, Тунайчи (7 сел., 8 хозяевъ—9 медв.). Въ 1903 г.: Такое, Маука (2 сел., 2 хоз.—2 медв.). Въ 1904 г.: Отасанъ (2 медв.), Серароко (3 медв.), Кусунай, Маука (4 сел., 4 хоз.—7 медв.)

41. Слѣдующія части медвѣдя айны жарять и не даютъ Ѣсть, женщинамъ: похкірі—отъ подбородка до ключицы; самбе—сердце; һапану—легкія; тепут или урақа—печень; ентеје—мускулы переднихъ ногъ. Кромѣ того, запретными для женщинъ считаются: кеоро—мозгъ; кіраj кам—мясо съ боковъ головы; кео кам тасі—мясо у первого шейного позвонка, цінуунук тасі—второй шейный позвонокъ; күціс тасі—прочіе позвонки; акапоні—8-й шейный позвонокъ. Женщинамъ даютъ обыкновенно: охцара—хвость; кірікеупоні—безыменную кость, которую рубятъ на 3 части (двѣ нижнія части даютъ богатымъ женщинамъ, а верхнюю—бѣднымъ); утоніпоні—голени (малоберцовая и большеберцововая кости); амупі поні—предплечье (лучевая и локтевая кости).

42. Названія дней праздника таковы:

Канунъ убіенія медвѣдя—нуман ніа то, т.-е. вчерашній день, канунъ. Ночь, въ которую не спать, называется осірікотону укуран—“бодрствованія ночь”.

День выведенія медвѣдя—камуі асін то, т.-е. день выхода медвѣдя, или іјоманте (оманте—посылать).

День ъды мяса, день гостей: утара коро, т.-е. людей имѣть, или утара урохте, т.-е. усаживать людей другъ возлъ друга.

День вынесенія костей медвѣдя—кеj асін то, т.-е. день ухода черепа, или кеj макан то—день ухода черепа въ лѣсъ.

Слѣдующій за нимъ день называется юк інуунука то, т.-е. всѣдѣ запрещенный день. Въ этотъ день медвѣдь входить въ свой домъ, и нельзя въ юртахъ производить большой шумъ.

43. Въ с. Котанкесъ мнѣ разказывали, что въ одной юртѣ однажды непочтительно отозвались о медвѣдѣ, и вскорѣ затѣмъ, когда дома остались только старикъ со старухой, вошла медвѣдица въ сѣни, а потомъ и внутрь юрты. Старикъ обнажилъ свою волосатую грудь и выпучилъ глаза. Медвѣдица поглядѣла и ушла, ничего не сдѣлавъ злого.

44. Айны с. Найеро разказывали мнѣ про гиляцкіе медвѣжьи праздники и высказывали удивленіе, что у нихъ такъ много табу (інума), по всей вѣроятности потому, что эти табу—иного рода, чѣмъ у самихъ айновъ; такъ, хозяева не могутъ Ѣсть медвѣжья мясо, женщины не могутъ подходить близко къ мѣсту убіенія медвѣдя и т. п. Зваными гостями для убіенія медвѣдя никто изъ айновъ не былъ.

45. Привожу здѣсь вкратцѣ сцены двухъ празднествъ послѣ убіенія медвѣдя въ лѣсу, при которыхъ я присутствовалъ дважды (къ сожалѣнію, лишь при нѣкоторыхъ моментахъ).

Такъ, въ августѣ 1896 г. въ с. Сіянцахъ я зашелъ въ юрту, въ которой въ лѣвомъ (отъ входа) углу, у задней стѣны, виднѣлась снятая съ медвѣдя шкура. Голова лежала на еловыхъ вѣткахъ; задняя часть шкуры висѣла на жерди. На шкурѣ лежала старая сабля,

по бокамъ—два колчана со стрѣлами и інау. Съ обѣихъ сторонъ головы—трубка, кисеть съ табакомъ, черепокъ для угольковъ и для зажиганія, тарелка съ варенымъ рисомъ, черемшой и сараной. Надъ медвѣдемъ висѣло дугообразное інау-ру—связка веревокъ, скрученныхъ изъ стружекъ. Рядомъ нѣсколько мужчинъ расчленяли тушу медвѣдя на части, а одинъ у огня на цыновкѣ приготавлялъ інау. Мнѣ сказалъ, что на слѣдующій день будетъ больший праздникъ, ибо соберутся ъесть мясо, и я явился въ эту юрту вновь. Кожа уже была снята съ наръ; остался тамъ лишь черепъ медвѣдя. На нарѣ (лѣвой отъ входа, следовательно правой для айновъ) сидѣло по-турецки пять айновъ. Хозяинъ и его братъ на особыхъ подпосахъ, служащихъ для медвѣжья мяса, раскладывали сваренное мясо; клали по одному ребру, кусокъ мяса съ костью. Каждый получавшій бережно бралъ подносъ, важно и съ благоговѣніемъ подносилъ его вверхъ и затѣмъ ставилъ передъ собою на нары. Нѣкоторые дополнительно продѣливали надъ подносомъ церемонію короткаго привѣтствія, потирая ладонями одна о другую, затѣмъ поднося ихъ къ бородѣ и опуская потомъ вдоль по груди. Когда мясо было раздано всѣмъ, даже мальчикамъ, приступили къ ъдѣ. Мальчики со смѣхомъ вспрыгивали на нары (лѣвыя) и принимали подносы съ мясомъ. Нѣкоторыя части были разданы въ чашкахъ женщинамъ и девушки. Нижнюю челюсть подали самому почетному гостю. Тотъ отрѣзать только немногого мяса и передать подносъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ. Этотъ докончилъ очищеніе отъ мяса и вернувшись подносъ хозяину, который вынулъ стрѣлу изъ колчана и вмѣстѣ съ подносомъ вновь подалъ старѣшему. (Сравни стр. 137). Позвали двухъ мальчиковъ, которые приняли участіе въ ъдѣ нарѣзаннаго отъ челюсти мяса. Потомъ ее уложили подъ черепомъ. Недоѣденное мясо каждый укладывалъ около себя, заворачивая въ куски рогожекъ. Кости, уже очищенные отъ мяса, хозяинъ складывалъ въ кучу у задней стѣны. Затѣмъ было подано, въ деревянныхъ мисочкахъ, второе блюдо изъ кореньевъ. Накладывали его женщины, а подавали ребята; принимая посуду, каждый ставилъ ее на нары или бралъ въ руки, но не поднималъ вверхъ. По окончаніи ъды начали курить табакъ. Когда всѣ кости и вѣтки съ медвѣжью кровью были уложены и завязаны въ рогожку, а черепъ, начиненный кореньями, былъ украшенъ короткимъ інау, то всѣ вышли изъ дома и наблюдали, какъ хозяинъ подавалъ черезъ окно черепъ, кости и блюда, стоявшія у головы медвѣдя. Нѣсколько мальчиковъ и хозяинъ съ братомъ отправились затѣмъ въ лѣсъ; каждый песь въ рукахъ что-нибудь изъ вышеуказаннаго. Впереди несли черепъ.

Добавлю, что во время ъды мяса кость лопатки перебивали ударомъ одного пальца. Мнѣ говорили далѣе, что когда внесли медвѣжью шкуру съ неотдѣленной головой въ юрту, то мужчины лѣвали передъ нею привѣтствіе, потирая ладонями, а женщины плакали (обыч-

ное женское привѣтствіе по отношенію къ лицамъ, съ коими болѣе или менѣе давно не видались).

Въ ноябрѣ 1904 года, когда я, въ сопровождениі иѣсколькихъ айновъ, прѣѣхалъ съ сѣвера въ с. Могункотанъ, то мы застали въ юртѣ, гдѣ остановились на отдыхѣ, конецъ праздника по поводу убитаго иѣсколько дней тому назадъ въ лѣсу медвѣдя. Въ виду небольшого количества людей въ этомъ и сосѣднихъ селеніяхъ, мяса было потреблено немногого, и потому до сихъ поръ еще не закончили празднества. На обычномъ мѣстѣ, у окошка на нарахъ, лежали бусы, двѣ сабли и інау-ру разныхъ цвѣтовъ—уже почернѣвшія, сѣрыя и совершенно свѣтлые, свѣжія. На нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, виднѣлись привязанные лоскутки матеріи—черной и красной. На саблѣ лежали двѣ пары наушниковъ медвѣдя: одна пара—свѣтлыхъ, новыхъ и другая пара—черныхъ, старыхъ, съ одной добавленной свѣжей веревочкой. У стѣны лежали: двѣ стрѣлы, пять изображеній медвѣдя—разной величины (но не длиниѣ $\frac{1}{4}$ аршина) и разной формы—съ приклеенной къ нимъ шерстью отъ половыхъ органовъ медвѣдя; два изображенія были перевязаны вдоль свѣжими веревочками изъ стружекъ інау (інау-ру); затѣмъ: трубка, русскій портсигаръ (покупка хозяина, убившаго медвѣдя), небольшая посуда (лубокъ), старый колчанъ и тутъ же медвѣжья шкура. Дальше разбросаны были подносы для медвѣжья мяса; виднѣлось иѣсколько костей и палочекъ для нарезанія на нихъ кусковъ мяса. Лакированная посуда для „сакѣ“ была поставлена въ обычномъ мѣстѣ—на верхней полкѣ. Въ інау-ру (или ціпано) былъ воткнутъ найденный шуриномъ (мужемъ сестры) хозяина пучокъ закрученныхъ корней дерева, который служить талисманомъ (ісанке). На одномъ подносѣ очень хорошо были вырѣзаны (видимо, уже давно) два медвѣдя. Мнѣ сказали, что это—изображеніе воспитанного медвѣженка, купленного въ с. Котанкесъ. Къ сожалѣнію, распространяться въ объясненіяхъ хозяинъ не хотѣлъ, мон же пріятель-спутники молчали, не имѣя права вмѣшиваться, а потому сказали, что ничего не могутъ мнѣ добавить къ тому, что я слышалъ отъ хозяина. Старшему изъ нашей компаніи подали на подносѣ мясо, причемъ одинъ старикъ, живущій въ этой юртѣ, училъ молодого хозяина, какъ надо укладывать кости. Ребро было положено такъ, чтобы выгнутая часть была обращена къ подающему подносѣ, а концы его—ближе къ принимающему. Палочку слѣдовало воткнуть приблизительно вдоль другой лежавшей на подносѣ кости. Старикъ, отвѣдавъ немногого мяса, подать подносъ рядомъ съ нимъ сидѣвшему, и такъ онъ обошелъ всѣхъ прѣѣхавшихъ съ нами айновъ. Покушавъ и попивъ чаю, мы поторопились сѣсть въ лодки и поѣхали дальше.

46. Въ юнѣ 1904 г. въ с. Найеро я присутствовалъ при обрядѣ подчиливанія медвѣду зубовъ. Операциѣ эту необходимо исполнить рано утромъ, когда еще не жарко, иначе вырывающіяся медвѣдь можетъ

заболѣть или даже умереть. Въ назначенный день собрались мужчины всего села и принялись закидывать на медвѣдя ремень и выводить его изъ клѣтки. Поручено было двумъ броситься на голову; выбраны были двое смѣлыхъ юношей, которымъ хозяинъ хотѣлъ оказать почетъ, удовлетворивъ ихъ честолюбію. Спину медвѣдя прижали двумя жердями, переплетенными ремнемъ; затѣмъ ремнями стали обвязывать животное, прижимая его все сильнѣе къ жердямъ. Чтобы ремни не слишкомъ сильно врѣзывались въ тѣло, подкладывали подъ нихъ на грудь, на задъ, между передними и задними ногами крестообразно связанные пучки сухой травы. Когда уже медвѣдь не могъ двигаться, то въ пасть ему всунули кусокъ палки, которую привязали ремнями къ нижней челюсти и оттянули назадъ. Одинъ изъ участниковъ особымъ ножомъ съ мелкими нарѣзками отпилилъ затѣмъ всѣ 4 клыка. Отрѣзанныя острей клыковъ завязали въ стружки „інау“ и привязали къ одному изъ „інау“, стоявшихъ по угламъ медвѣжьей клѣтки. Приготовленнымъ заранѣе и вынесеннымъ изъ дома обгорѣлымъ полѣшкомъ помазали обрѣзанные зубы. Затѣмъ развязали ремни, приподняли раму изъ жердей и повели медвѣдя гулять вдоль морского берега, послѣ чего ввели его обратно въ клѣтку. Если это самка, то она впослѣдствіи, вернувшись къ родителямъ, разсказываетъ, что ее татуировали, наподобіе аинскихъ женщинъ; если это самецъ, то подпиливаніе зубовъ онъ называетъ бритьемъ передней части головы, какъ это дѣлаютъ мужчины-айны на Сахалинѣ.

Гидяки и ороки не подпиливаютъ клыковъ медвѣдю. Ороки говорили мнѣ, что айны ввели этотъ обычай лишь послѣ появленія на островѣ японцевъ. Если въ какомъ-либо селеніи мало людей и не удается собрать достаточное количество участниковъ процедуры, то иногда клыковъ айны не рѣжутъ. Но тогда непремѣнно надо и слѣдующему медвѣженку оставить эти зубы. Вообще, вѣкоторая измѣненія въ воспитаніи медвѣженка можно дѣлать, напр. держать по 1 году, по 2 года, по 3 года, но всегда эти измѣненія слѣдуетъ примѣнять къ двумъ подъ рядъ медвѣжатамъ. Иначе богъ горѣ будетъ удивленъ, будетъ недоволенъ, и медвѣдь будетъ кусаться и сердиться. Символомъ этихъ карь служить, очевидно, развоенное вилообразное дерево „тугусі“; одинъ конецъ послѣдняго, какъ говорится въ „оїна“, принадлежитъ первому медвѣженку, а другой—тому, который будетъ вмѣсто него посланъ человѣку. Добавлю, что подпилокъ лежитъ всегда въ ящикѣ съ другими медвѣжьими вещами.

Ієо рéске оjна¹⁾.

Припъвъ, повторяющійся послѣ каждыхъ 5—6 словъ, состоитъ изъ слѣдующихъ неизмѣнныхъ звуковъ, не имѣющихъ значенія:
he а ым кўве, пажен ын ціке, пажен ын кўсу.

Ананте hoko an тура kánnе | сáнке nítas сам ankúс kína, | makun
nítas сам ántura kánnе aporójkí) ²⁾. An-kí rokájne tákni néva súñku
túra usóтуè tokhó anekari. Támbe renkájne anante hokó iták omante:
„téta pojta óhkajo rámpo anante mácihi íkónde kané“ nah e. Támbe kusú
ankíci. Ankíci rokájne, témanaх né-kusú énçiu ci rurý atakhkína. Ínkar
anáko, néjta kusú kúfta-címbré. Jaјresúpo anukára kína išišankuété.
Anante hokó ci ruruhý aje bokýnte, énçiu ci rurý ajeruéká. An énçiu
hokhó anante hokhó nukára kún an etýnnе kusú, an tekhi aní teh ciásí
anekará-kará. Jaјresúpo anukára jakó kuçíhi pe hómpus ekara kará. Tap
orovanb anante hokhó an-tura kánnе ankoró cicé anko nemaxnaraé.
A'ñkoro cicé oxtá esírepá an. Tap oro vanb okajanájne taj ciné tóke
tan herónpeno mušanke koáhkacán. Jajacič týma ínkar anáko ráhkí
hómpo ántesu-kánnе okajan. Anbkoho shúrú ríjá-kónno okajan-ájne semí-
kónihe itomoëmá. Támbe renkájne tané akesoné raj ceh teseécke ankí
kína; tan heron néno, raj ceh teseécke ankí rokájne, tan herón néno
íkóni mufruné anante hokhó íkojajkára. Tan orovanb pónu an;
nejaјke íkatý koropé ankoró. Tan orovanb setúru káva nam vahka
ankotáta-táta, kótro kavá césex vahka ankotáta-táta, cicé tujonnaј-
péka kamýi pon horokéupo ci áhkač aхkačté anejaјkonufté. Anante
hokhó pónu-anhí ichomá kará kusú acín. Okáketa an énçiu hokhó támbe
paté an erájstoma kará ankí-kusú, kopájkarékína, támbe rénkajne
sáńke nítáč san anorojkí kína, makún nítáesan aporojkí kína hóroka.
Rýrukéč eríkíounajhé kenač kasyhý anorojkí, sáćira tóri rekóské háyhe,
támbe paté ankonukuru kané, kenač kójkí an, am póho an énçiu hokhó,
anécič raxté kará. Támbe rénkajne sáńke kenač sam sapán, ankí rokájne
néjta kusú kúfta-címbré anante hokhó an nukára, am póho ankonde. Táva
oró cinéne makapán, okajan. O já páne síromám pañno antére jahká
ankojákuč, kočukí e am póho anék an ramý ný ankí kusú, tan acič tojru
ankará. Tu-kesántexko acič tójru, tojru opuziketá an tére jahká ankojákuč
kanné okajan.

Нáше háčko iěo itáku kusú:

Aníreskесí, ту-hémpahpa aníreskесí, anejaјukoraјpахсí taní aní-acíń-
kесí, ińay kот-oxtá aní túra makapahcí, íkurukáta tomí cíké, ińénčoro káta
ińay cíké ankoroté. Jaјresúpo iјorítáko: „náxte emakáńcikíin táníne hýf-

¹⁾ Продиктовано въ маѣ 1903 г. айномъ Кусаемъ зо л. изъ с. Тунайчи.

²⁾ Далъе я не дѣлаю уже, при помощи черты (|), дѣленія текста на части,
въ концѣ которыхъ дѣлается малая пауза и сейчасъ же поется вышеуказанный
припъвъ.

кар есáci eíčnatuipá танáн корó пецирі окáкара емакáицкіп, тáне пекерé еíсна туipá, тахкóп раójсуј воjkári каниé, емакáн кусу нéже а́дане торí побо тамба кí кусу нéже, рекбске háуhe ený кусу ikí. Ерý окасáнкеhé а́дане торí уцара hаворе háuhe ený кусу ikí. Тан áнкоро пецирhí пíине сíјанhу ѹуфка утбнне hecyé, máхне пајне ѹуфпокутбнне hecyé та утурукенé еан тúка сáцira ан торí побо тамбá háuhe ан кусу нéже ikонúпух рámнe екорo кание емакáн кусу ikí. Екорáн тохтó тан acíð тójру ерý етох сáнкеhе екara карá. Ру бпуцí кета екорáн тохтó етéре кусу ap. Екó-екári кусу нéже pírka apé онтуíkahá усáме áхкаé ецíkí кáнne еукојајра ецíkí кусу ikí". Аннúте макапáн acípí сíмénke, acípí сотуipá анките макапáн. Сбно кајкí Jaјресупо iјорíтаку вено макапан, анкорáн тохтó корó píсеhé охтá ahupáп. Jaјресупо ту-iнау сíкенé puјарá-карí анаhýнke. Ан-корáн тохтó побо eénk у, iнау сíкé eénk у; ahupáп, анкорáн тохтó анковебекерé: Jaјресупо pírka iрескé iекарá-карá, тáмбе réнкајне iсíреџакаđnó iекарá-карá. Патé áнкор héngíhena iнау усараé ikíre кусу, нах e; анкоро сíнтá haríkí контahá тáмбе тахне апока ан коропенé, сíмон контahá пејпа кециунó ikáh коропé iсítасáерé кусу, нах e. Анкор hengíhena iпау áнко усáрае манý. Icéturu кáта тáta-táta, ан корhенгíhena iејајконухтé. Тан орованó рítem пане сíромантé, Jaјресупо ehe нéно ikáh коропенé анкóнде манý. Тан орованó анкор—ap тохтó турá pírka okáj анкí манý.

Перевод:

О воспитывании медвѣдя.—Легендарная пѣсня.

Я со своимъ мужемъ въ лѣсу близъ моря ходила. По лѣсу ближе къ верхушкѣ рѣки бродила. Такъ дѣлая, мы дошли до мѣста, гдѣ береза съ елью срослась вѣтвями. Находясь въ этомъ промежуткѣ (между двухъ деревьевъ), мой мужъ мнѣ сказалъ: „здѣсь, моя жена, дай мнѣ свои ласки“. Поэтому мы занялись (совокупленіемъ). Когда мы совокуплялись, вдругъ вкусъ penis'a человѣческаго я почуяла. Когда я оглянулась, то увидала рядомъ съ мужемъ повсюду шляющагося по горамъ Яйресупо. Моего мужа penis'a вкусъ похоже, Яйресупо penis'a вкусъ получше. Не желая, чтобы мой человѣческій мужъ видѣть моего мужа, я заслонила его рукою. Когда я посмотрѣла на Яйресупо, то онъ сдѣлалъ поясъ съ тремя узлами ¹⁾). Потомъ съ мужемъ я пошла въ свой домъ и въ свой домъ прибыла. Потомъ живя, однажды, ходя и подметая у передней стѣны (дома), взглянула внизъ и (увидѣла, что) живу съ висячимъ животомъ и выгнутой спиной.

¹⁾ Объясненія этихъ узловъ не могъ мнѣ дать ни продиктовавшій ни иѣсколько иныхъ айновъ. У своихъ друзей-стариковъ я забылъ потомъ спросить объ этомъ.

Когда прозимовала съ мужемъ, какая-то болѣзнь началась. Поэтому у огня, ближе къ дверямъ, какъ помирающая рыба имѣла видъ, у передней стѣны, имѣя видъ помирающей рыбы (лежала), а мой мужъ сдѣлать мнѣ подушку для больныхъ. Потомъ, когда я родила, то предметъ, похожій на меня, я имѣла. Потомъ по спинѣ холодной водой похлопывала, по передней части тѣла теплой водой похлопывала. Когда внутри дома прекрасный маленький мальчикъ ходилъ, я сильно радовалась. Мой мужъ, когда я родила, согрѣть мнѣ половые органы¹⁾ приготовить вышелъ. Потомъ я одного только хотѣла—похвастаться передъ моимъ человѣческимъ мужемъ. Когда пришла весна, я пошла къ лѣсу, что ближе у моря, (и тамъ) бродила, по лѣсу ближе къ верховьямъ рѣки бродила. Горока Рурукесь²⁾ вверхъ по рѣкѣ, по лѣсу бродила. Птица саціра³⁾ кричала; это мнѣ нравилось, и я по лѣсу копала коренья, своего сына человѣческому мужу показать все желала. Поэтому ближе къ морю лѣсомъ подошла. И вдругъ увидала своего мужа. Своего сына ему дала. Съ этого времени одна ходила. Другой годъ пока не пошелъ, все ждала хотя, но не могла (ждаться). До осени, прихода сына дожидая, новую тропу сдѣлала. Хотя каждый день новую тропу дѣлала и хотя въ концѣ ея у моря ждала, но не могла (ждаться) и такъ жила.

Теперь малый медвѣдь говорить:

„Меня кормили, два года меня кормили; приготовлялись и теперь меня вывели; передъ інау со мною пошли. На себѣ спереди спины ношу драгоцѣнностей и сзади спины ношу драгоцѣнностей когда имѣль, Яиресупо мнѣ сказалъ на прощанье: „теперь, когда ты пойдешь, пересѣкая длинные склоны горъ, идущіе къ рѣкѣ, и двигаясь вдоль по ней, пересѣкая длинныя пади и короткія пади, когда пойдешь кругомъ, когда дядя-птица (т.-е. ворона) понесетъ подарокъ ъды, и ты услышишь крикъ ея, и слѣдомъ за собою услышишь шумъ многихъ голосовъ птицъ-дядей. По моей рѣкѣ мужской притокъ—со стороны восхода солнца, женскій притокъ—со стороны заката солнца увидишь; посерединѣ между ними подъемъ водораздѣльный (будетъ), саціра-птицы крикъ, носящей подарокъ ъды, будетъ; тогда, имѣя радостныя чувства, пойдешь. Твоя мать эту свѣжую тропу рядомъ съ прежней твоей тропой сдѣлала, и на краю дороги она ждетъ тебя. Когда ее встрѣтишь ты, хорошо мною вскормленный, и рядомъ съ нею пойдешь, то будешь ей рассказывать (о томъ, что видѣлъ за это время)“. Слушая это, я пошелъ, свѣжо обрившись⁴⁾, свѣжо постригшись⁵⁾ по-

¹⁾ Такъ, какъ продѣзываютъ аинскія женщины.

²⁾ Дословно: „Обратного моря конецъ“; название мѣстности, въ поэзіи встречающееся.

³⁾ Название птицы, которую я не могъ опредѣлить.

⁴⁾ Имеется въ виду срѣзываніе кожи медвѣдя по носу и глаза.

⁵⁾ Имеется въ виду счираніе кожи цѣликомъ съ головы медвѣдя.

шелъ. Дѣйствительно, какъ мнѣ говорилъ на прощанье Яйресупо, я пошелъ, зашелъ въ домъ моей матери и подальше черезъ окно ношу інау (которые даль) Яйресупо. Моя мать приняла подарки ъды, принялъ ношу інау. Я зашелъ и разсказывалъ матери, что Яйресупо меня хорошенько кормилъ. Потомъ мнѣ на дорогу наставлениѧ давалъ и моимъ дѣдамъ велѣль раздать інау. Моего сінта¹⁾ лѣвый вилообразный конецъ этотъ короткій—мой предметъ; правый вилообразный конецъ—въ новомъ году подобнаго мнѣ существа²⁾, чтобы на него себя замѣнить—такъ велѣль. Дѣдамъ своимъ інау я раздалъ. По моей спинѣ они похлопали; мои дѣды (такъ) мнѣ радовались. Затѣмъ, когда пришла веспа, какъ сказалъ Яйресупо, подобное себѣ существо подарили (ему). Послѣ этого съ мою матерью хорошо жили мы.

Айны приводили мнѣ это преданіе, какъ объясненіе празднества, происходящаго при убиеніи медвѣдя. Говорили мнѣ также, что это—сапане оjна, т.-е. главнѣйшая изъ всѣхъ легендарныхъ пѣсень.

Б. Пилсудскій.

¹⁾ См. выше, стр. 120.

²⁾ См. дополненіе № 45.